

**ЮРИЙ
ПОЛЯКОВ**

ЮРИЙ ПОЛЯКОВ

2006-2009

Гипсовый трубач. Свободный роман. Книга первая

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П54

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Художественное оформление — *Екатерина Фerez*

Поляков, Юрий Михайлович.

П54 Собрание сочинений. Том 6. 2006–2009: Том 5 / Юрий Поляков. — Москва : Издательство АСТ, 2025. — 608 с.

ISBN 978-5-17-168889-9 (Юбилейный Поляков)

ISBN 978-5-17-168888-2 (Юбилейный Поляков(супер))

Знаменитый роман мастера «гротескного реализма» Юрия Полякова «Гипсовый трубач» не имеет аналогов в современной отечественной словесности ни по занимательности, ни по жанровому своеобразиею, ни по охвату тем. Эта «ироническая эпопея», как назвали ее критики, соединяет в себе черты детектива, любовной истории, психологического романа, социальной сатиры, а избытком блестящих вставных новелл напоминает «Декамерон». Как всегда, автор увлекает читателя виртуозно закрученным сюжетом, покоряет яркими и сложными характерами героев, восхищает отточенным ироническим стилем, поражает неожиданными метафорами и афоризмами, волнует утонченной эротикой.

В первую книгу дилогии вошли части «Насельники куш» и «Игровод и писодей».

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-168889-9 (Юбилейный Поляков)

ISBN 978-5-17-168888-2 (Юбилейный Поляков(супер))

© Поляков Ю.М.

© ООО «Издательство АСТ», 2025

ОТ АВТОРА

Роман «Гипсовый трубач», который вы держите в руках, возможно, есть самое объемистое сочинение русской прозы за последние полвека. Если и не самое, то, во всяком случае, одно из самых. Персонажей в нем больше сотни, не считая героев первого ряда. Я даже поначалу намеревался дать «Трубачу» подзаголовок «ироническая эпопея». Но в итоге дал другой — «свободный роман». Действительно, впервые за сорок лет работы в литературе я не стал стеснять движение фабулы по принципу «чем короче, тем лучше». Я не резал, как строгий садовник секатором, боковые побеги повествования, позволяя залетным сюжетам вить на этих ветвях шумные грачиные гнезда. Речь идет о вставных новеллах, которыми усеян роман. Я не напоминал героям, что такие пространственные диалоги годятся скорее для драмы, нежели для прозы. А моих героинь не упрекал в том, что их исповеди, растянувшиеся на несколько глав, были бы уместнее на приеме у психотерапевта с сексуальным уклоном. Я смотрел сквозь пальцы на то, как «сиамские соавторы» Кокотов и Жарынин, сочиняя свой сценарий, начинали путать реальность с творческими фантазиями. Критика меня даже упрекала за то, что я, оторвавшись от жизни, слишком увлекся искусством, а точнее, тем мусором, которого всегда довольно в любой творческой мастерской. Ну что тут возразишь? Сошлюсь, как обычно, на Сен-Жон Перса. Он утверждал: «Искусство по своей природе гораздо ближе к жизни, нежели наука, а уж тем более — политика». Но так или иначе, мои персонажи, или, говоря по-школьному, «художественные образы» совершенно обнаглели и оторвались от первоначального авторского замысла. Впрочем, некоторые знатоки как раз в этом видят первый признак подлинной литературы.

А ведь я даже не собирался сердить критиков. Мне просто хотелось написать роман, который в любой момент под настроение можно снять с полки и читать, а лучше перечитывать, с первой попавшейся страницы, получая удовольствие от слов, играющих, как форель, в солнечном потоке сюжета. Я и сам именно так перечитываю любимые книги. Не знаю, получилось ли это у меня, решать читателям, они в литературе самые главные. Но согласитесь, пятое издание за семь лет — это не так уж и плохо для нашего заполошного времени, когда все устаревает, ломается или выходит из моды с обескураживающей скоростью; когда, чувствуя свежего лауреата какой-нибудь литературной премии, мы уже и не помним, кто получал ее годом раньше; когда переиздание современной прозы стало таким же бессмысленным занятием, как допечатка тиража позавчерашней газеты. А мои любимые герои — Кокотов и Жарынин — все еще продолжают бороться за справедливость, мучительно любить своих женщин и переделывать многострадальный сценарий, который кажется бесконечным, как жизнь, и обрывается так же внезапно, как путь, достигший обрыва. О, не пугайтесь! На самом деле «Гипсовый трубач» — очень веселая книга, в ней много забавных историй и приключений, острых метафор и сатирических выпадов против власть предержащих. Хотя поединок писателя с властью давно превратился в высокотехнологическое фехтование: ты едва коснулся чутким наконечником сатирической рапиры ее стеганого нагрудника, а вот уже взвыл победный сигнал и вспыхнул контрольный свет. И автору приятно, и сильным мира сего хоть бы хны.

А вообще-то, я бы сравнил нашу жизнь с черно-белым кино, где белое — это смех, а черное — слезы. Или наоборот... Сами решите, прочитав мой «свободный роман».

Юрий Поляков, июнь 2019, Переделкино

Часть первая

НАСЕЛЬНИКИ КУЩ

И даль свободного романа...

А. Пушкин

Эй, брось лукавить, Божья Обезьяна!

Сен-Жон Перс

И призраки требуют тела,
И плоти причастны слова...

О. Мандельштам

Глава 1

ПЕРВЫЙ ЗВОНОК СУДЬБЫ

История эта началась утром, когда жизнь еще имеет хоть какой-то смысл.

Ранний телефонный звонок настиг Андрея Львовича Кокотова в належающей теплой постели. Он недавно проснулся и теперь полусонно размышлял о том, что разумные существа есть, вероятно, не что иное, как смертоносные вирусы, вроде СПИДа, которыми одна галактика в момент астрального соития заражает другую. После вчерашнего посещения поликлиники и одинокого вечернего пьянства он был невесел, мрачна была и его космогоническая полудрема.

Будучи по профессии литератором, Кокотов вяло прикинул, можно ли из этой странноватой утренней мысли вырастить какой-нибудь рассказ или повестушку, понял, что нельзя, — и погрустнел. А тут еще это внезапное телефонное беспокойство как-то нехорошо вспугнуло сердце, и оно забилось вдруг с торопливыми и опасными препинаниями. Встревоженный писатель с обидой подумал, что зря вчера не заглянул к кардиологу: сорок шесть — самый опасный мужской возраст, когда желания еще молоды, а исполнительная плоть уже не очень.

Телефон все звонил. Андрей Львович встал и, чувствуя во рту сухую несвежесть, побрел на кухню.

Впрочем, «звонил» — чересчур громко сказано. Все предразводные месяцы Кокотов и его бывшая супруга Вероника использовали аппарат так же, как старорежимные мужики — шапки, а именно: швыряли оземь в качестве последнего и непроверяемого доказательства своей правоты в семейном конфликте, которому давно стало тесно в двуспальной кровати. И если раньше после ослепительной ссоры Андрей Львович обычно закипал вождением и желал задушить жену в объятиях, то в последний год их близлежащего сосуществования он хотел ее просто придушить. И однажды целую бессонную ночь посвятил рассуждениям (конечно, чисто умозрительным) о том, куда потом можно было бы окончательно спрятать труп, чтобы не сесть в тюрьму. Перебрав вариантов двадцать, жестоких и небезукоризненных, он наконец додумался: надо купить в магазине «Ребята и зверята» аквариум со стаей пираний, очень модных в последнее время среди серьезной публики. И, как говорится, концы — в воду! Однако чешуйчатые людоедки, оказалось, стоили огромных денег! Тогда Андрей Львович, человек небогатый, замыслил написать про это рассказ, но не решился — из суеверия.

Начался же семейный распад с того, что у Кокотова появилось болезненное ощущение, будто в их спальне поселился кто-то третий, невидимый. И Вероника, прежде отличавшаяся веселой постельной акробатичностью, с некоторых пор превратила требовательно-изобретательный интим в редкие и показательно равнодушные супружеские телодвижения, словно доказывая этому неведомому третьему свою полнейшую незаинтересованность в брачных соединениях. А на мужа она стала посматривать с некой иронической сравнительностью. Так пляжная дама, проводив влажным взглядом загорелого атлета, с тоской возвращается взглядом к своему законному животоносу, приканчивающему восьмую бутылку пива...

— Коко, — объявила Вероника однажды утром за кофе, — я должна тебе сообщить одну важную вещь!

— Какую, Никó?

— Мы разводимся!

— Почему? — спросил Андрей Львович не из любопытства (он давно этого ждал), а скорее из чисто писательской привычки выстраивать диалог.

— Потому что ошибки надо когда-нибудь исправлять...

Развели их без осложнений: потомства они не завели (дети, как и пирании, стоили дорого), а на жилплощадь, книги и совместно нажитое имущество (если честно, смехотворное) Вероника не

покушалась. Эта бессребренная странность разъяснилась, когда они вышли из загса и бывшая жена, точно разнузданная кобылица, потряхивая мелированной гривой, поскакала к белому гластостому «Мерседесу». На миг она обернулась, показала брошенному мужу длинный малиновый язык и, победно хлопнув дверцей, скрылась за непроглядными стеклами, исчезла во тьме новой светлой жизни.

А телефон все звонил...

На кухне царило то неприглядное бытовое разложение, какое часто встречается в домах безнадежных холостяков. На тарелке усыхала грубо расчлененная и недоеденная селедка, посыпанная одряхлевшими кольцами фиолетового лука. Чуть выгнулся, почерствев за ночь, забытый кусок черного хлеба. В бутылке еще оставалось довольно водки, что свидетельствовало о мужском одиночестве, пока еще не перешедшем в неутолимое пьянство. Аппарат фирмы «Тесла» был обмотан разноцветным скотчем и напоминал античную вазу, кропотливо собранную из кусочков. Он даже не звонил, а жалобно верещал из-под кухонной табуретки, словно принесенный с улицы мусорный котенок. Вечор Кокотов хотел от тоски и для познания жизни позвонить какой-нибудь телефонной возбудительнице, даже отчеркнул в рекламной газетке номер горячей линии «Ротики эротики». Но так и не собрался с духом. А зря! Дело в том, что у него появился любопытный сюжетец для нового романа из серии «Лабиринты страсти».

Сюжет такой. Он и она. Ромео и Джульетта. Роман и Юля. Сослуживцы. Работают в глянцево-порножурнале «Афродизиак». И вот между ними по тайным законам влечения возникает чистое, светлое чувство — такое лишь иногда, очень редко, проникает в нашу жизнь, словно луч солнца в канализационный люк. Роман — фотограф: снимает «обнаженку». Юля — редактор: сочиняет письма, которые якобы приходят в «Афродизиак» от читателей, переживших острое сексуальное приключение.

Ну вот, например:

«Дорогая редакция! Это случилось в Италии, во время экскурсии к жерлу вулкана Санта-Лючия. Вся наша группа уже наслаждалась красотами kloкочущей преисподней и спускалась вниз. А мне — не знаю почему — захотелось остаться наверху и смотреть-смотреть вниз на inferнальные всполохи магмы. Вдруг я с ужасом и негодованием почувствовала, как чья-то требовательная конечность нырнула ко мне под юбку и нагло пыта-

ется проникнуть в мой собственный кратер, защищенный только ажурными стрингами, купленными перед отпуском в магазине “Дикая облепиха”. Я обернулась, чтобы отхлестать наглеца по лицу, но моя рука застыла в воздухе: это был Николай — самый юный, скромный и симпатичный член нашей тур-группы. Он смотрел на меня так робко, так нежно, так влюбленно...»

Тут Юля отрывается от компьютера и вспоминает, с каким ласковым сочувствием Рома смотрел на нее во время недавней планерки, когда пузатый шеф-редактор орал, предынсультино перекосив металлокерамический рот: «Запомните раз и навсегда: мы пиарим только “Мир белья”! У нас договор! Если я еще раз увижу в вашем тексте, Юлия Викторовна, хоть намек на “Дикую облепиху”, я вас уволю. Понятно?»

А Рома? Что Рома?! Он, сердешный, тщательно выставляет свет, чтобы поразвратнее запечатлеть свежесвыбритую фотошлюху, а сам тем временем томительно думает о том, как странно глянула на него Юля, проходя вчера по редакционному коридору...

— Попку чуть на меня! — командует он. — Нет, так много... Это уже не попка! — А сам изнывает от желания просто видеть Юлю, говорить с ней, смотреть в эти чистые голубые глаза...

Кстати, с невинными деликатностями зарождающегося чувства у Андрея Львовича было все в порядке. Он понимал и умел тонко описать, как внезапно рождается, расцветает и опадает лепестками разочарования внезапная симпатия к грустной пассажирке автобуса. А вот знаний о развратной стороне жизни ему, семейному до недавних пор мужчине, явно не хватало, что по-человечески, может быть, и хорошо, но с писательской точки зрения непроизводительно: ведь именно романами о «странностях любви» Кокотов зарабатывал себе на жизнь в самые трудные годы. Со звонка в «Ротики эротики» он полагал начать серьезное изучение сексуальных пределов гнусной действительности, но в самый последний момент, набрав шесть цифр, смалодушничал, передумал и, злясь на себя, сунул «Теслу» под табурет. Там он ее, без умолку верещащую, и обнаружил. Нагнулся и, чувствуя прилив крови к вискам, снял трубку.

— Я бы хотел побеседовать с господином Кокотовым! — потребовал густой мужской голос.

— Кокотовым, — привычно поправил Андрей Львович, ибо почти никто и никогда не произносил его довольно редкую фами-

лию правильно с первого раза. (Из трех вариантов ударения все почему-то выбирали именно тот, который придавал фамилии легкомысленный, даже блудливый оттенок.)

— В таком случае мне нужен господин Кóкотов! — заявил голос с раздражением.

— А кто его спрашивает?

— Жарынин.

— Кто-о?

— Кинорежиссер Жарынин. Слыхали?

— Слыхал, — полусоврал Кокотов. — Простите, имя-отчество только вот запамятовал...

— Дмитрием Антоновичем с утра был!

— Я вас слушаю, Дмитрий Антонович!

— А до этого вы меня, Андрей Львович, выходите, не слушали?

— Я неточно выразился. Очень рад вас слышать. Давний поклонник вашего таланта! — зачем-то подлизнулся Кокотов, мучительно соображая, почему фамилия режиссера показалась знакомой, если ни одного его фильма он вспомнить никак не мог.

— Будет врать-то! А вот я в самом деле прочел ваш рассказ в журнале «Железный век».

— Какой рассказ?

— А вы много рассказов напечатали в этом журнале?

— Один...

— Тогда не задавайте глупых вопросов! Я прочел рассказ про гипсового трубача.

— Вам понравилось?

— Кое-что есть, хотя в целом рассказ написан слабо.

— Вы считаете? — обидчиво улыбнулся Андрей Львович.

— Считаю.

— Зачем же вы мне звоните?

— Потому что по вашему сюжету я сниму хорошее кино!

— Мне трудно об этом судить...

— Почему?

— Потому что, Дмитрий Антонович, я не видел ни одной вашей картины! — поквитался Кокотов.

— Вы и не могли видеть. Вгиковская короткометражка «Толпа» не в счет. А единственный мой фильм «Двое в плавнях» смыли по решению Политбюро!

— Как смыли?

— Категорически! В знак протеста я ушел из кино! Но хлопнув дверью... Очень громко!

— Ах, ну да... — Кокотов вспомнил этот действительно шумный скандал застойного кинематографа. — А теперь, значит, вы вернулись?

— Да, побыл, как бы это выразиться, во внутренней эмиграции... Надоело. Хватит!

— А во внешней эмиграции не были?

— Ну, как же... Чуть не выбрал свободу. Но русскому человеку там делать нечего. Однако же странно...

— Что?

— Странно, что вы спрашиваете меня о всякой ерунде вместо того, чтобы прыгать от счастья. Вам звонит режиссер и хочет экранизировать ваш рассказ!

— Я прыгаю. Вы просто не видите. А деньги на картину у вас есть?

— Разумеется. В противном случае я бы вас не тревожил. Еще вопросы?

— Нет.

— Тогда запоминайте: завтра в девять ноль-ноль я заезжаю за вами, и мы отправляемся в «Ипокренино» — писать сценарий.

— В «Ипокренино»? — переспросил писатель, много слышавший об этом историческом месте, но ни разу там не бывавший.

— Да. Я заказал две комнаты с пансионом.

— Я не могу.

— Почему?! — возмутился Жарынин.

— У меня анализ. Очень важный...

— Какой еще к чертям анализ! А вы не можете эти ваши... ингредиенты сдать сегодня... впрок?

— Нет, это очень сложный анализ. По знакомству. А «ингредиенты», как вы выразились, тут абсолютно ни при чем! — с вызовом ответил Андрей Львович.

Некоторое время из трубки доносились лишь недовольное побряхтывание и посапывание. Наверное, именно так ругались наши бессловесные предки, еще не знавшие роскоши многофункциональной брани.

«Чтоб они пропали, эти анализы! Ну зачем я поперся в поликлинику? Жил бы с этой чертовой бородавкой и дальше! — в отчаянии думал Кокотов, которому впервые в жизни звонил режиссер, да еще с таким предложением. — Пошлет он меня сейчас и правильно делает!»

— Хорошо, — наконец согласился Жарынин. — Когда вам надо в Москву?

- Через три дня...
- Я сам отвезу вас и сдам на анализы! А потом доставлю назад в «Ипокренино». Договорились?
- А сколько я должен за путевку? — не успев обрадоваться, с боязливой щепетильностью полюбопытствовал Андрей Львович.
- Нисколько. Фирма платит. Да или нет?!
- Да. Я согласен.
- Неужели?! У вас тяжелый характер. Но я с вами поработаю. До завтра. Ровно в девять. На Ярославке, напротив вашего дома, возле ларька.
- В девять, возле ларька, — повторил Кокотов, чтобы лучше запомнить.
- И не опаздывайте! Там остановка запрещена.
- Откуда вы знаете, что запрещена? — подозрительно спросил писатель.
- Прежде чем сделать вам такое предложение, я собрал о вас материал.
- Вы за мной следили?
- Наблюдал.
- Ну, знаете... В таком случае...
- Однако Жарынин уже повесил трубку. Кокотов, слушая гудки, подумал о том, что судьба непредсказуема, как домохозяйка за рулем, и решил: никуда не поеду!..

Глава 2

ПРОКЛЯТИЕ ПСЕВДОНИМА

На следующее утро Андрей Львович ровно в девять стоял возле пыльного ларька, торговавшего несъедобным изобилием. Двухкомнатную квартиру вблизи шумного, загазованного Ярославского шоссе он получил в прежние времена от могучего в ту пору Союза писателей. Кокотов значился в списках очередников на улучшение жилищных условий, так как занимал с мамой Светланой Егоровной тесную хрущевскую «однушку» в Свиблове. Отсюда, собственно, и возник его первый литературный псевдоним — Свиблов, под которым он печатал первые сочинения, не снискав ни славы, ни даже какой-нибудь чуть заметной известности. Потом у него, правда, появился еще один псевдоним, так сказать, коммерческий... Но это отдельная история.

Размышляя о своей стойкой безуспешности, Кокотов перебрал множество разнообразных причин и выделил две самые вероятные: первая — неверно выбранный псевдоним, вторая — отсутствие таланта. Вторую он отмел сразу: мало ли кругом знаменитых графоманов? Да и кто из пишущих признает себя бездарностью? В определенном смысле творческий работник похож на уродливую женщину, которая все равно в глубине души убеждена: в ней есть что-то чертовски милое — просто пока никто не заметил. Кстати, именно на этой тайной дамской уверенности основана многовековая и очень доходная деятельность брачных аферистов.

Значит, оставалась единственная причина: псевдоним Свиблов, таивший в себе что-то губительное. И Кокотов решил обмануть неприветливую литературную судьбу — рассказ «Гипсовый трубач» он опубликовал под своей родовой фамилией. Главный редактор «Железного века» Федька Мреев, трезвевший только тогда, когда жрал антибиотики после очередной болезнетворной половой выходки, убеждал этого не делать. В тот день он как раз и был угнетающе трезв, ибо умудрился в пьяном угаре завести получасовой роман с привокальной особой. Последствия оказались самыми тяжелыми, в чем Мреев винил, разумеется, не себя, а тезку, Федора Достоевского, который своей Лизаветой Смердящей сбил с толку немало вполне приличных самцов интеллигентной ориентации...

— Не вздумай, Львович! — предупредил Мреев. — Фамилия у писателя может быть любая, но только не смешная! Ко-котов... — Он через силу улыбнулся. — Не вздумай!

Но Львович вздумал! И вот пожалуйста, он стоит на улице с чемоданом и ждет режиссера, чтобы ехать в «Ипокренино» — сочинять сценарий! А Федька лежит в клинике с гепатитом, передающимся, оказывается, не только алкогольным, но еще и половым путем! На днях Кокотов навестил своего друга-издателя, пожелтевшего, как древний пергамент. Однако больной был настроен не мрачно, а скорее философически:

— Знаешь, я вот лежу и думаю... Насколько же все-таки водка безопаснее секса! Ты подумай, Львович, сколько еще можно было выпить до заслуженного алкогольного гепатита! А тут раз — и квас... Нет справедливости на свете!

«Есть, есть справедливость! — удовлетворенно думал Кокотов, глядяываясь в проезжавшие мимо автомобили. — Мало, очень мало, но есть!»

О том, что судьба к нему если не жестока, то уж точно неласкова, наш герой стал задумываться давно. Ну взять хотя бы ту же

квартиру... Он как член творческого союза по советским законам имел право на дополнительные двадцать метров. Сочинять первые книжки ему приходилось на крохотной кухоньке, где закипевший чайник можно было снять с плиты, не вставая из-за стола.

Светлана Егоровна давным-давно, когда сын был еще бессознательно мал, отдала своего неверного мужа Леву в хорошие, как она однажды выразилась, руки, из которых тот уже не вырвался. Поначалу, правда, он тайно звонил и плакал в трубку, жалуясь на грубости новой жены, звал на помощь бывшую супругу, умолял поднести к мембране ребеночка, дабы услышать единокровное «уа!». Но звонки становились все реже, а потом отец окончательно исчез в толще прошлого. Лет десять по почте еще приходили алименты, такие крошечные, словно вычитались они из жалованья лилипута, зарабатывающего перетаскиванием крупногабаритных грузов.

О том, что Лева умер, Светлана Егоровна узнала, когда позвонила его вдова и спросила, не хочет ли первая жена внести лепту в созидание могильной плиты усопшему.

Мать так изумилась просьбе, что денег дала. Их повез по указанному адресу Андрей Львович, в ту пору подросток, и попал прямо на сороковины. Дверь открыла толстая женщина в старом халате. Одутловатым лицом, прической и усами она чрезвычайно напоминала пожилого Бальзака, замученного непомерным употреблением кофе и Эвелины Ганской. В замусоренную переднюю из кухни доносилась пьяная разноголосица, мало похожая на поминовение усопшего, чья душа в этот день должна окончательно отлететь от своих земных заморочек.

— Ты кто? — спросила Бальзаковна.

— Я сын Льва Ивановича.

— Что-то не похож...

— Я на маму похож.

— Ну разве что! Принес?

— Принес, — он протянул конверт.

Бальзаковна схватила деньги и сунула за пазуху, потом степенно спросила:

— Отца помянешь?

— В каком смысле?

— Выпьешь?

— Детям нельзя...

— Молодец! Не пей! — всхлипнула она и прижала мальчика к своей мягкой груди, пахнувшей какой-то острой закуской.